

УДК 94(47).084

М.В. Шиловский

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СИБИРЬ (ВОЕННАЯ СФЕРА): ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ

Изучение периода Первой мировой войны применительно к Сибири сосредоточивалось преимущественно на социально-экономических вопросах. В то же время односторонне или вообще не анализировалась военная сфера явления в плане рассмотрения процессов общей мобилизации, подготовки пополнения в тыловых гарнизонах, социальном облике воинов-сибиряков, эффективности пропагандистско-воспитательной работы среди них. В статье автор пытается обосновать необходимость поиска новых подходов к их анализу и предложить новое прочтение перечисленных сюжетов на основе введения в научный оборот новых источников.

Ключевые слова: Первая мировая война, запасной полк, маршевая рота, призывник, ратник ополчения.

Постановка проблемы. Начавшаяся 19 июля (1 августа) 1914 г. Первая мировая война способствовала активному включению Сибири в общероссийское экономическое и военно-политическое пространство. В настоящей работе формулируются актуальные, на наш взгляд, вопросы функционирования военной сферы региона: мобилизация, подготовка пополнения, социальный облик воинов-сибиряков, уровень их воинской дисциплины и т. д.

Изученность темы. Изучение проблемы «Первая мировая война и Сибирь» в ее военной составляющей (мобилизация, участие сибирских соединений в боевых действиях, подготовка пополнения, политико-воспитательная работа среди призванных и т. д.) имело специфику, связанную прежде всего с состоянием отечественной историографии этого глобального вооруженного конфликта. Поскольку война породила социальный катаклизм 1917–1920 гг., а отношение к ней пришедших к власти большевиков было изначально негативным (империалистическая и захватническая), ее история в межвоенный период (1920–1941 гг.) разрабатывалась фрагментарно. Не случайно в четвертом томе «Очерков исторической науки в СССР» (1966) дореволюционный раздел завершается освещением революции 1905–1907 гг. и анализом внешней политики России второй половины XIX– начала XX в., а обозначенный в заголовке сюжет вообще отсутствует.

Военные тогда изучали организацию и ход боевых действий, изменения в структуре вооруженных сил, обеспечение их вооружением с целью практического использования накопленного в 1914–1917 гг. опыта для укрепления РККА, боевой подготовки военнослужащих, формирования мобилизационных ресурсов. Параллельно в эмиграции бывшие офицеры и генералы императорской армии создавали «свою» историю войны, в основном в мемуарах. В плане социальной истории Первую мировую начали изучать с целью выявления предпосылок свержения самодержавия. Своеобразной «матрицей» для

всех последующих сочинений вплоть до начала 1990-х гг. стала первая глава первого тома «Истории гражданской войны» (1935), в которой эти предпосылки перечислялись: захватнический характер военного конфликта, неподготовленность армии, военные поражения, экономический кризис, резкое ухудшение положения основной части населения, активизация стачечной борьбы пролетариата, политический кризис и окончательное банкротство самодержавия.

Принципиально ситуация не изменилась в 1940–1980-е гг. Военная составляющая конфликта получила окончательное воплощение в фундаментальном исследовании А.А. Строчкова [1]. В обобщенном виде она наряду с анализом экономического и политического развития империи повторена в отдельной главе шестого тома «Истории СССР» (авторы В.А. Емец, А.Л. Сидоров, С.В. Тютюкин) [2. Т. 6. С. 516–628]. Характерно, что в упомянутых исследованиях имеются специальные разделы, посвященные состоянию вооруженных сил России накануне войны, но отсутствуют сведения о подготовке пополнения и состоянии дел в тыловых гарнизонах.

Применительно к Сибири проблематика Первой мировой войны стала изучаться со второй половины 1950-х гг. в плане выявления предпосылок социального катаклизма 1917 г. Промежуточные итоги этого процесса подводятся в отдельной главе третьего тома «Истории Сибири» (1968 г.), состоящей из двух разделов: «Влияние войны на экономику Сибири» (В.Г. Тюкавкин) и «Революционное движение в Сибири во время войны» (А.А. Мухин, В.П. Сафронов, А.А. Храмков), а также в соответствующих главах очерков истории рабочего класса и крестьянства региона дореволюционного периода (Д.М. Зольников [3. С. 363–408], А.Я. Воронина [4. С. 248–277]). Они заложили прочную основу для анализа экономических и социальных процессов в регионе в избранных хронологических рамках. Эти сюжеты получили дальнейшее развитие в работах Л.М. Горюшкина, В.П. Зиновьева, И.И. Кротта, Г.А. Ноздрина, В.А. Скубневского и др. Вместе с тем военная проблематика сводилась только к указанию количества воинских наборов (призывов) и общего числа мобилизованных в армию (до 1 млн чел.) [4. С. 248].

Параллельно начинается исследование процесса мобилизации, призывов в армию во время войны, расквартирования ополченцев и запасных полков (А.А. Храмков, А.Н. Баталов). Основное внимание обращалось на негативные явления тыловой армейской повседневности – плохие жилищно-бытовые условия содержания призванных, отвратительная организация питания, издевательство офицеров и унтер-офицеров, порождающие массовое дезертирство, масштабные выступления мобилизованных в июле 1914 г., тяжелые заболевания, негативное отношение к войне и самодержавию. Отмеченная тенденция постепенно начинает меняться. С начала 1990-х гг. появляются работы, более объективно и полно отображающие обозначенные выше вопросы [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12. Вып. 4. С. 53–61]. Увидели свет публикации, затрагивающие ратный подвиг сибиряков и сибирских формирований на фронте [13, 14]. Разделы, посвященные войне 1914–1918 гг., стали обязательными для очерков истории отдельных городов, губерний, краев и областей Сибири.

Источники и методы. Источниковую базу исследования составили неопубликованные делопроизводственные материалы (приказы, списки лично-

го состава, арматурные ведомости) запасных частей (батальонов и полков) Новониколаевска и Томска, а также дневники и мемуары современников анализируемых событий и участников войны (И.И. Серебренников, А.И. Деникин, Г.М. Семенов, Ф.А. Степун).

Методологическую основу работы составляют теоретические основания «когнитивной истории», предметом которой является процесс мышления как главная особенность человека и основа культуры. Поэтому наблюдение и получение проверяемых данных становятся возможными, если изучить сознание человека опосредованно – через созданные им материальные образы или реализованные продукты целенаправленной человеческой деятельности, т. е. исторические источники.

Автором использованы традиционные методы исторического исследования: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, а также экстраполяция данных, полученных по отдельному объекту (запасному полку), на всю изучаемую совокупность однородных воинских формирований.

Результаты исследования. Несмотря на серьезные подвижки в изучении проблемы остаются существенные лакуны, дискуссионные вопросы, недостаточно исследованные сюжеты. Остановимся на некоторых из них. Что касается сибирских фронтовых объединений (дивизий и корпусов), то в самом общем виде П.А. Новиковым изучен боевой путь 2, 3 и 7-го Сибирских армейских корпусов, но ждет своих исследователей история 1, 4, 5, 6-го Сибирских армейских корпусов, воевавших в составе всех фронтов, за исключением Кавказского.

Дискуссионным остается вопрос о масштабах и характере выступлений мобилизованных сибиряков в июле 1914 г. Всего по данным хроники крестьянского движения в Сибири я насчитал в четырех губерниях региона 157 протестных акций мобилизованных в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных. Подавляющая их часть приходилась на Томскую губернию, где бунтовали в 49 волостях всех уездов, за исключением Бийского. Помимо сельской глубинки, волнения имели место в Кузнецке, Новониколаевске, Барнауле, Ишиме, на железнодорожных станциях Убинская, Боготол, Зима, вообще по линии железной дороги. Они сопровождались разгромом винных лавок (только в Томской губернии около 600), избиением должностных лиц крестьянского самоуправления, массовыми порубками леса на Алтае. Всего из 247 погибших участников солдатских бунтов в России на долю Томской губернии приходится 136–140 человек. Общее число привлеченных к суду за участие в них составило до 1400 человек.

В советский период волнения мобилизованных квалифицировалась как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия [15. С. 56–73; 16. № 11, вып. 3. С. 97]. В настоящее время И.А. Еремин и Т.А. Кижяева считают данное утверждение явной натяжкой и объясняют произошедшее негативным отношением патриархального крестьянства к воинской повинности и начавшейся антиалкогольной кампании, «что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников» [17. С. 231]. Еще раньше и применительно к Тобольской губернии правомерность

отождествления антивоенных выступлений крестьян с политикой правительства была отвергнута С.Ю. Шишкиной, назвавшей их основными причинами закрытие винных лавок и «опасение, что положение семей с уходом কর্মильцев и работников может значительно ухудшиться» [12. С. 55].

Первый по времени исследователь рассматриваемого явления А.А. Храмов, реагируя на попытку квалифицировать его как пьяный бунт, указывает на массовый характер произошедшего в масштабах как Томской губернии, так и всей страны. Такие выступления имели место в наиболее беспокойных селах и волостях Барнаульского уезда и сводились не только к разгрому (разграблению) винных лавок, но и выражали протест против притеснений властей и «в определенной степени недовольство войной». «Были ли эти волнения пьяным бунтом? – вопрошает историк. – Конечно, да. Но, как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. За бунтом, разгромами, эксцессами и убийствами нельзя упустить социальное и политическое составляющее этого движения» [18. С. 163–165].

На мой взгляд, волнения мобилизованных вызваны комплексом причин, и прежде всего просчетами и непрофессионализмом властных структур [19. № 1. С. 87]. Мобилизованные сутками ждали на сборных пунктах отправки дальше или погрузки в эшелоны, при этом длительное время не получая горячей пищи и находясь на улице (Барнаул).

Там, где властям удалось справиться со стихией, не было и массовых беспорядков (Бийск и Бийский уезд, города Восточной Сибири). Например, об Иркутске И.И. Серебренников 2 августа 1914 г. записал в дневнике: «Мобилизация проходит спокойно, совершенно нет пьяных» [20. С. 21].

Повальное пьянство во время мобилизации было связано не только с негативным отношением населения к воинской повинности. Нельзя забывать о стремлении предприимчивых слоев заработать в ситуации запрета продажи спиртных напитков. «От времени до времени в Омске, – свидетельствует акмолинский губернатор, – на толкучке и в притонах появлялись продавцы водки, спирта, коньяка, добываемых за пределами области или оставшихся от запасов, сделанных до мобилизации. Некоторые со слабой волей запасные набрасывались на эти напитки, не брезгуя даже политурой, платили большие деньги, пили и хмелили» [21. Д. 138. Ч. 1. Л. 7].

Еще на один аспект темы необходимо обратить внимание – это степень вовлеченности в массовые беспорядки старожилов и переселенцев. Не случайно главным районом волнений являлись южная и восточная части Барнаульского уезда, селения Павловское, Мормыши, Ребриха, Ключевское и др., где осело большое количество новоселов из числа столыпинских мигрантов.

Дальнейшего изучения требует и система подготовки призванных в армию в запасных формированиях Омского и Иркутского военных округов. Известно лишь об их дислокации и численности гарнизонов сибирских городов, агитационно-пропагандистской деятельности радикалов среди военнослужащих, разрозненных фактах протестных акций (дезертирство, неподчинение командирам, самовольные отлучки и т. д.). Хотелось бы воспроизвести, как мне кажется, наиболее соответствующее действительности суждение о состоянии российской армии тех лет, сформулированное генералом, впоследствии одним из вождей Белого движения А.И. Деникиным: «Я не скло-

нен идеализировать нашу армию. Но когда фарисеи – вожди русской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, они лгут. Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначения и комплектования высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ... Каков народ, такова и армия. И как бы то ни было, старая русская армия, страдая пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами, и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны, дралась безропотно почти 3 года, часто шла с голыми руками против убийственной высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение, и своей обильной кровью искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои» [22. Т. 1. Вып. 1. С. 30].

Известно, что к 1917 г. в армию призвали не менее 1 млн сибиряков, или примерно половину трудоспособных мужчин, из них на долю Томской губернии пришлось 600 тыс. [23. № 6. С. 67–68; 11. С. 98]. Но за этими валовыми показателями мы до сих пор не имеем представления о воинах-сибиряках, их социальном облике. В какой-то степени прорвать завесу умолчания помогают архивные материалы по личному составу 38-го Сибирского стрелкового запасного полка (батальона), размещавшегося в Новониколаевске, а с осени 1915 г. – в Томске (Степановка).

Именно они позволяют судить о вероисповедании, профессиях, образовании, возрасте и семейном положении новобранцев. Так, из партии в 98 человек, призванных летом 1915 г. в Тарском уезде Тобольской губернии, 1 являлся лютеранином, 1 – католиком, 5 – старообрядцами, остальные 91 – православными. 46 из них считались грамотными, 51 – неграмотными, 2 – малограмотными (умели читать и писать). Подавляющее большинство по роду занятий относилось к хлебопашцам, но 24 человек имели навыки ремесла (11 сапожников, 4 портных, по два – плотники, кузнецы, штукатуры, по одному – колесник, слесарь, хлебопек). 185 новобранцев из Змеиногорского уезда Томской губернии, призванные 25–26 мая 1916 г., имели в своем составе 174 православных, 11 старообрядцев; 26 грамотных, 74 малограмотных, 73 неграмотных; 99 из них были женатыми, 86 – холостыми; по роду занятий: 154 хлебопашца, 6 шорников, 5 кузнецов, по 4 плотника и сапожника, по 2 пимоката и портных, по одному – чернорабочий, кочегар, смазчик, столяр.

Среди 729 новобранцев из Барнаульского уезда досрочного призыва 1916 г. (призваны в августе 1915 г.), за исключением одного католика, все были православными, в подавляющем большинстве хлебопашцами (32 чернорабочих, 13 сапожников, по 9 кузнецов и портных, 7 плотников, 10 представителей других специальностей); 483 неграмотных, 116 грамотных, 130 малограмотных.

Прибывшие в часть 15 октября 1916 г. 302 ратника из Мариинского уезда Томской губернии имели в своем составе, при абсолютном преобладании православных, 10 католиков, 4 старообрядцев, 2 мусульман, 1 сектанта;

285 из них были женатыми, 25 – грамотными, 224 – неграмотными, 53 – малограмотными. Разнообразным оказался профессиональный состав команды, включавшей представителей 27 специальностей, в том числе 216 чернорабочих, 32 плотника, 8 сапожников, 7 кузнецов, 6 столяров, 4 колесников, 3 портных, по 1–2 пимоката, печника, овчинника, письмоводителя, кучера, коммерсанта, коновала, кочегара, псаломщика и т.д., что объясняется спецификой географического положения Мариинского уезда, расположенного вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, и развитием в нем горнодобывающей промышленности. Отметим также, что среди призванных ратников имелаась большая группа старших возрастов (призыва 1894 г. – 67 человек, 1895 г. – 97, 1896 г. – 100), т. е. сорокалетних; остальные 38 были от 40 до 20 лет. Именные списки позволяют установить, что 285 из 302 мариинских новобранцев (94 %) были женаты [24. Л. 40–47; 25. Л. 32–37; 26. Л. 14–28, 45–64].

Таким образом, среди призванных в армию в 1914–1916 гг. сибиряков абсолютно преобладали малограмотные и неграмотные православные крестьяне, занимавшиеся в основном сельским хозяйством. Процент неграмотных в Сибири соответствовал данным по России – 61 % призванных [27. С. 170]. Помимо русских, украинцев, белорусов среди попавших в запасной полк находились представители других национальностей. Так, из 258 человек, прибывших из Бирского уезда Уфимской губернии и зачисленных в 1-ю роту полка, русские составили 36 человек, остальные были башкирами и татарами, из 250 человек личного состава 5-й роты русских насчитывалось 105, «инородцев» – 145. В июле 1915 г. в части числилось 12 немцев-колонистов (И. Фрейн, И. Шаад, Г. Этинх, А. Шмидт, Э. Родд и др.) [28. Л. 13–14 об.; 24. Л. 20]. Призывали в армию и сибирских татар. Например, в селении Юрты-Абалыкские Малокорюковской волости Томского уезда в 1915 г. «приняли в строй», по выражению того времени, Н. Ахмежданова, 20 лет, магометанина, татарина, неграмотного, женатого; в 1916 г. – М.Г. Юнусова, 20 лет, магометанина, татарина, женатого, хлебопашца, «грамотного по-русски»; Г. Мустафинова, 20 лет, брат которого по мобилизации 1914 г. уже воевал, магометанина, татарина, холостого, хлебопашца, «грамотного по-русски» [29. Л. 80–81, 87–89].

Для неправославных предусматривался даже особый порядок принятия присяги. Из приказа командира 38-го полка подполковника Доброхотова от 25 октября 1915 г. (Томск) узнаем, что «завтра, 26 сего сентября, в 9 часов утра, во дворе мечети, на углу Татарской улицы и Татарского переулка За истоком, я приведу к присяге нижних чинов (молодых солдат всех призывов и ратников ополчения 2-го разряда) всех рот только магометанского вероисповедывания)». 27 октября в расположении 7-й роты в духовной семинарии присягу должны были принять язычники и старообрядцы [28. Л. 111, 115].

Кстати, еще одним неисследованным эпизодом Первой мировой войны является привлечение по реквизиции освобожденных от воинской повинности аборигенов, в том числе в Сибири. На основании высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. распоряжениями военного министерства они должны были быть «назначены» в казенные и частные учреждения и предприятия, «работающие для нужд государственной обороны». Только количество реквизи-

рованных по этому нормативному акту бурят, отправленных в Тверскую, Вологодскую, Могилевскую и Архангельскую губернии, в частности в Архангельский порт, составило 20 878 человек [30. С. 137].

Поскольку общая мобилизация 18 июля – 1 августа и кампания 1914 г. «съели» практически весь подготовленный контингент резервистов (более 5 млн), пополнение армии в последующем осуществлялось за счет призыва лиц, достигших 20-летнего возраста, а также ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов, которых к прохождению воинской службы ранее не привлекали. Их направляли в запасные полки и после соответствующей подготовки в течение 6–12 недель в составе маршевых рот (250 человек) отправляли в действующую армию. Только из Омского ВО в 1914–1915 гг. ежемесячно вывозили по 25 тыс. человек (по 100 маршевых рот) из примерно 300 тыс. человек, поглощаемых фронтом. В 1916 г. этот показатель составил 15 тыс. человек (62 маршевые роты) [8. № 6. С. 41; 31. № 4. С. 7].

Как и насколько эффективно осуществлялась эта подготовка, учитывая, что курс молодого солдата призванные в мирное время осваивали 4 месяца, мы не знаем, поскольку вопрос практически не изучался. В порядке его постановки отметим, что основной структурой, занимавшейся этим, являлся запасной стрелковый полк, подобный 38-му, состоявший из 10–12 рот численностью 250–500 человек каждая и учебной команды для подготовки младшего командного состава (ефрейторов и унтер-офицеров). Суть подготовки новобранцев командующий Омским военным округом генерал от кавалерии Н. А. Сухомлинов в приказе от 28 августа 1915 г. определял следующим образом: «Вновь напоминаю, что для действующей армии необходимы одиночные бойцы, умеющие хорошо стрелять, колоть штыком, применяться к местности, преодолевать препятствия, вести разведку и нести сторожевую службу» [25. Л. 202].

Исходя из этого, обучение организовывалось по жесткому распорядку от подъема в 5 часов утра до отбоя в 22.00, в том числе и в воскресенье. Расписание занятий личного состава двух рот полка с 3 по 9 августа показывает, что отрабатывались подготовительные упражнения к стрельбе и уколы чучела, самоокапывание, ружейные приемы, строевое охранение; изучались присяга, обязанности часового и подчаска, чинопочитание, правила воинской вежливости и составления донесения. Солдатам объяснялись символика знамени и система наград за боевые подвиги, обязанности и назначение солдата, наказания и последствия сдачи в плен, приводились примеры доблестного исполнения воинского долга в прежние и настоящую войны. Обязательными были практические стрельбы. Утренние и послеобеденные занятия заканчивались проверкой выправки и отдания чести продолжительностью 20–25 минут [25. Л. 7–8]. Курсанты учебной команды после завершения курса обучения сдавали экзамены на знание уставов (строевого пехотного, дисциплинарного, полевой, внутренней и гарнизонной службы и пр.), норм денежного и вещевого довольствия, топографии, наставления по самоокапыванию и сбережению здоровья, проверку тактической и полевой подготовки. Успешно окончившие обучение производились в ефрейторы, а наиболее отличившиеся «за хорошее поведение и твердое знание службы переименовывались в

младшие унтер-офицеры» [28. Л. 59]. Все принимали присягу и в составе маршевых рот отправлялись в действующую армию.

Подготовку новобранцев осуществляли унтер-офицеры, фельдфебели из постоянного состава полка и офицеры. Всего в штате части на 1 сентября 1915 г. числилось 38 офицеров и военных чиновников, в том числе уже упоминавшийся подполковник Доброхотов, 31 прапорщик, 2 зауряд-прапорщика, 1 старший врач, 1 младший врач, 2 зауряд-военных чиновника [25. Л. 193–193 об.]. Младшие офицеры в основном окончили 1-ю и 2-ю Иркутские школы прапорщиков. В литературе утвердилось негативное отношение к этим учебным заведениям – за три-четыре месяца обучения нельзя было подготовить полноценного командира. Будущий атаман, во время войны есаул Г.М. Семенов квалифицировал их как «суррогат офицеров, который ни по своей подготовке, ни по воспитанию не подходил к предназначенной ему роли. Офицеры военного времени, т.е. офицеры поневоле, естественно, не могли иметь должного авторитета в глазах солдата, не имея сколько-нибудь удовлетворительных военных знаний. Многие из них вышли из среды революционно настроенной русской общественности и свою роль понимали довольно своеобразно, внедряя в головы подчиненной им массы освободительные идеи революционной догматики» [32. С. 53].

Однако эти прапорщики из числа студентов, инженеров, учителей успешно справлялись со свалившимися на их плечи нелегкими задачами подготовки солдат из числа сибирских крестьян. Как правило, маршевые роты, подготовленные ими, получали положительную оценку фронтовиков. Так, из «Краткого отчета об осмотре 72-й маршевой роты 38-го Сибирского запасного полка, прибывшей на укомплектование 244-го пехотного Красноставского полка из Томска» от 8 декабря 1916 г. следует, что в ней «нижних чинов действительной службы 166 чел., ратников 1 разряда 23, ратников 2 разряда 28 и запасных 3. Сроков службы 1916, 1917 и 1918 гг. и ратники 1903, 1904 и 1905 гг. Уроженцы Томской губ. Срок обучения 9 недель. Стрельб произведено: одиночной подготовительной 3 упражнения и одиночной боевой 2 упражнения. Боевая подготовка: обязанности стрелка в рассыпном строю знают удовлетворительно, наводка со станка и установка прицела правильная. Штыковому бою обучены удовлетворительно, рассыпание в цепь, перебежки и применение к местности удовлетворительны. сторожевая и дозорная службы удовлетворительны. С действием лопаты в бою ознакомлены. Строевая подготовка: стойка, ружейные приемы и повороты усвоены удовлетворительно. Шаг вялый, колка чучела удовлетворительная. Обмундирование: шинели суконные хорошего качества. Шаровары исправны. Снаряжение хорошего качества. Теплые и годовые вещи выданы всем и хорошие, а сапог негодных к носке 146 пар. Жалоб заявлено не было. Общее заключение: строевая и боевая подготовка роты комиссией найдена удовлетворительной» [33. Л. 86].

Слабо исследованным, но в то же время наиболее дискуссионным является вопрос об отношении воинов-сибиряков к войне и военной службе, состоянии воинской дисциплины в запасных полках, в изучении которого явно преобладала негативная оценка воспитательной работы в тыловых гарнизонах.

С одной стороны, с точки зрения инспектирующих положение дел в этой сфере было благополучным. Так, командующий Омского ВО генерал Н.А. Сухомлинов, проинспектировав запасные батальоны в Томске, в приказе от 21 августа 1915 г. отметил: «Во всех батальонах люди выглядят молодцами, особенно прошедшие 3- и 4-недельное обучение. Молодые солдаты, прибывшие всего 2–3 дня тому назад, уже имеют воинскую выправку, хорошо отвечают на приветствие. Вид людей здоровый, веселый. Ответы дают спокойно, разумно. Видна работа начальствующих лиц и сердечное отношение к нижним чинам. Обучение в общем поставлено вполне правильно и идет успешно... В общем батальоны представились хорошо, видна усиленная офицерская работа и забота начальствующего состава» [25. Л. 158–159].

С другой стороны, как видно из воспроизведенного выше расписания занятий, не предусматривалось бесед относительно характера войны, разъясняющих ее официальную трактовку как отечественную, справедливую. Призванный в армию офицер запаса, впоследствии выдающийся философ русского зарубежья Ф.А. Степун так отзывался о своих подчиненных по батарее 12-я Сибирской артиллерийской бригады, формировавшейся осенью 1914 г. в Иркутске: «Однажды, будучи дежурным по бригаде, я разговорился у коновязи с группой «стариков» – за уборкой лошадей солдаты-крестьяне невольно становились откровеннее. Вопросы сыпались один за другим: «И с чего это немец нам войну объявил, ваше благородие?», «А далеко ли до немца ехать?», «Крещенный ли немцы народ или как турки, нехристи?», «Может быть, они с того на рожон лезут, что жить им тесно, с хорошей жизни на штык не полезешь, так нельзя ли от них откупиться?»... В первом откровенном разговоре со своими батарейцами я, к своему величайшему удивлению, заметил, что большинству из них война, правильная война, представлялась чем-то вроде крестового похода. Очевидно, такое представление поддерживалось в них, с одной стороны, церковною молитвою о благоверном императоре и «христоролюбивом воинстве», а с другой – солдатскими песнями, связанными с воспоминаниями о турецких походах. Мое сообщение, что немцы христиане, а больше трети из них католики, то есть христиане, каждое воскресенье обязательно ходящие в церковь, крестящиеся в ней и становящиеся на колени, совершенно сбilo моих собеседников с толку, так как явно не вязалось с их представлением о враге – турке и японце... Нельзя сказать, чтобы сибирские крестьяне не были патриотами. Свою Россию они любили, и главное, крепко верили в ее мощь, но их своеобразный крестьянский патриотизм носил скорее хозяйственный, чем государственный характер. Сколько раз слышал я в Карпатах общесолдатское мнение: «Да зачем нам, ваше благородие, эту Галицию завоевывать, когда пахать неудобно». Несмотря на такую гражданскую неподготовленность к войне, бригада воевала на славу» [34. С. 269–271].

Отдельные факты, которыми я располагаю, опровергают сложившийся в историографии стереотип о негативном отношении призванных в армию сибиряков и массовых их протестных акциях антивоенного характера в период пребывания в запасных полках и по пути на фронт. Подобные явления носили единичный характер и вообще типичны для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности, включая советскую и современ-

ную российскую. Действительно, были случаи дезертирства, и жандармы, например, сообщали, что 7 ноября 1915 г. «при проследовании воинского поезда с маршевыми ротами 25-го Сибирского запасного батальона через разъезд Сураново Томской ветки, прапорщиками Михайловским и Филипповским, находившимися в составе эшелона, было произведено несколько выстрелов по самовольно отлучившимся и убежавшим от эшелона нижним чинам, коими убит один и ранены: один в колено, другой в кисть руки и стоящая у своего дома местная крестьянка – в ногу с раздроблением кости. Пострадавшим своевременно оказана медицинская помощь. Эшелон проследовал спокойно» [35. Л. 2].

Имели место самовольные отлучки, неявки на призывные участки, пьянство, неподчинение командирам, но они не носили массового и системного характера. Ситуацию с отставшими от воинских эшелонов в какой-то степени проясняют материалы дознания, произведенные прапорщиком Смирновым по приказу коменданта г. Вязьма 5 января 1917 г. по поводу «доставленного без документов, который назвал себя рядовым 11-й роты 38-го Сибирского запасного полка Федором Тимофеевым Бокутиным срочной службы досрочного призыва 1918 года, происходящего из крестьян Каинского уезда Булатовской волости, деревни Оселок-Васильевский, православного, грамотного, холостого». Арестованный признался, что «самовольно от своего эшелона и от своей роты отлучился в гор. Вязьму к своей сестре на Духовщинской улице, где пробыл два дня. 5 января я выехал от своей сестры и направился на станцию, [где] меня задержали военно-полицейские патрули» [24. Л. 69].

Факты такого рода отлучек, а именно так квалифицируется в документе подобное деяние, были достаточно распространенными. Например, согласно рапорту сопровождавшего офицера от 13 января 1917 г. в процессе следования в действующую армию из личного состава 72-й маршевой роты (250 человек) 38-го полка один солдат отстал на станции Новониколаевск, двое на станции Татарской, причем «все трое вернулись в полк». Из личного состава пяти маршевых рот (1250 человек) до пункта назначения – станции Ржев не доехали (отстали) 15 человек, из которых трое до подписания акта приема явились к коменданту станции, и «им были направлены прямо на фронт» [33. Л. 30–31 об., 97]. Более того, командирам маршевых рот запасного полка прапорщикам Сафонову, Грудачеву, Расторгуеву инкриминировалось, что «во время пути следования эшелона [они] проводили нижних чинов через оцепление и отпускали их домой, отчего было в пути 22 самовольно отлучившихся нижних чина, из которых нагнали эшелон 14 человек» [33. Л. 44].

Таким образом, осуществленный нами краткий анализ ситуации в сфере военной составляющей истории Первой мировой войны на региональном (Сибирь) уровне показывает насущную необходимость развертывания систематического исследования в этой области.

Литература

1. *Строков А.А.* История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914–1918 гг.). – М.: Воениздат, 1967. – 711 с.
2. *История СССР с древнейших времен до наших дней.* Сер. 1: с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции. – М.: Наука, 1966–1968. – Т. 1–6.
3. *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.* – Новосибирск: Наука, 1982. – 459 с.
4. *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* – Новосибирск: Наука, 1983. – 396 с.
5. *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 252 с.
6. *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. пед. ун-та, 1999. – 365 с.
7. *Фабрика Ю.А.* Сибирский щит: (Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). – Новосибирск: Новосиб. полиграфкомбинат, 2001. – 249 с.
8. *Фабрика Ю.А.* Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Воен.-ист. журн. – 2010. – № 6. – С. 41–45.
9. *Рацупкин Ю.М.* Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика, деятельность. – Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. – 208 с.
10. *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 388 с.
11. *Еремин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – 276 с.
12. *Шницкина С.Ю.* Война и общественные настроения: 1914 г. (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. – Тюмень, 2000. – Вып. 4. – С. 53–61.
13. *Новиков П.А.* Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне. 2, 3 и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 275 с.
14. *Симонов Д.Г., Шиловский М.В.* Первая мировая война // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2010. – Т. 2. – С. 597–601.
15. *Храмков А.А.* Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук. – Томск, 1958. – С. 28–40.
16. *Горюшкин Л.М.* Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1979. – №11, вып. 3. – С. 95–102.
17. *Еремин И.А., Кижасева Т.А.* Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. – Барнаул, 2005. – С. 225–237.
18. *Храмков А.А.* Так были ли волнения запасных в Томской губернии в июле 1914 г. пьяным бунтом? // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2011. – С. 163–166.
19. *Шиловский М.В.* Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 84–88.
20. *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары: Дневник 1914–1918 гг. – Иркутск: Изд-во Сапронов, 2008. – 592 с.
21. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* ДПОО. – 4-е делопроизводство. – 1914.
22. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. – М.: Мысль, 1991. – 205 с.
23. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне // Воен.-ист. журн. – 1993. – № 1–2, 4, 6–7, 10–11.
24. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 5.
25. *ГАО.* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 1.
26. *ГАО.* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 21.
27. *Изонов В.В.* Подготовка русской армии накануне первой мировой войны // Последняя война Российской империи. – М., 2006. – С. 165–173.
28. *ГАО.* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 2.
29. *ГАО.* – Ф. Д-78. – Оп. 1. – Д. 168.
30. *Штаер Н.Ю.* Реквизиция бурят на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Материалы 51-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. – Новосибирск, 2013. – С. 137–138.

31. *Смирнов А.В., Мазаник Т.А.* Правовое регулирование подготовки мобилизации людских ресурсов в дореволюционной России // История государства и права. – 2013. – № 4. – С. 2–9.
32. *Семенов Г.М.* О себе: воспоминания, мысли и выводы. – М.: АСТ, 1999. – 316 с.
33. *ГАНУ.* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 35.
34. *Стелун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетейя, 2000. – 644 с.
35. *ГАРФ.* – ДПОО. – 4-е делопроизводство. – 1915. – Д. 77. – Ч. 4.

Статья поступила 2 сентября 2013 г.

Shilovskiy Mikhail V., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

WORLD WAR I AND SIBERIA (MILITARY ASPECTS): SEARCH FOR NEW APPROACHES.

Key words: World War I, reserve unit, march company, conscript, militiaman.

Next year the world will mark the centenary of the World War I, which had a significant impact on the social, economic and political development of Russia and Siberia. However the researchers have been focused for the most part on the War's economic and social implications for the region. The military aspects of this phenomenon (mobilization, participation of Siberian formations (army corps) in combat operations, personnel reinforcements in reserve units of the Omsk and Irkutsk military districts, social appearance of Siberian soldiers) have been viewed one-sidedly, preconceived or neglected at all. Having evaluated the current state of research in the above mentioned issues, the author introduces new sources for scientific use and comes to a conclusion that mass protests of mobilized soldiers in the second half of July, 1914, occurred for many reasons (mistakes and lack of professionalism on the part of the authorities; peasants' negative attitude towards military service, re-settlers' involvement into mass riots etc.). The majority of Siberian soldiers mobilized in 1914–1916 were semi-literate or illiterate peasants, mostly unmarried, involved in agriculture. Military training of conscripts and militiamen was conducted during 9–12 weeks in reserve units under the guidance of junior command personnel and military officers (ensigns). Conscripts used to be absent without permission and get drunk, they failed to appear at recruiting stations and fulfill officers' orders, but these violations were not massive, at least before 1917.

References

1. *Strokov A.A.* Istorii voennogo iskusstva. Kapitalisticheskoe obshchestvo perioda imperializma (do kantsa pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.). – М.: Voenizdat, 1967. – 711 s.
2. *Istorii SSSR s drevneishikh vremen do nashikh dni.* Ser. 1: s drevneishikh vremen do Velikoi Oktiabr'skoi Sotsialisticheskoi Revoliutsii. – М.: Nauka, 1966–1968. – Т. 1–6.
3. *Rabochii klass Sibiri v dooktiabr'skii period.* – Novosibirsk: Nauka, 1982. – 459 s.
4. *Krest'ianstvo Sibiri v epokhu kapitalizma.* – Novosibirsk: Nauka, 1983. – 396 s.
5. *Lar'kov N.S.* Nachalo grazhdanskoi voiny v Sibiri: Armia i bor'ba za vlast'. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995. – 252 s.
6. *Ikonnikova T.Ia.* Dal'nevostochnyi tyl Rossii v gody pervoi mirovoi voiny. – Khabarovsk: Izd-vo Khabar. gos. ped. un-ta, 1999. – 365 s.
7. *Fabrika Iu.A.* Sibirskii shchit: (Stanovlenie sibirskogo voinstva i voennye deiateli Sibiri). – Novosibirsk: Novosib. poligrafkombinat, 2001. – 249 s.
8. *Fabrika Iu.A.* Novonikolaevsk i ego zhiteli v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg. // Voen.-ist. zhurn. – 2010. – № 6. – С. 41–45.
9. *Rashchupkin Iu.M.* Irkutskii voennyi okrug vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: formirovanie, spetsifika, deiatel'nost'. – Irkutsk: Vost.-Sib. in-t MVD Rossii, 2003. – 208 s.
10. *Gorelov Iu.P.* Sibiriaki na zashchite Otechestva v voynakh nachala XX veka. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003. – 388 s.
11. *Erem'in I.A.* Tomskaia guberniia kak tylovoi raion Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.). – Barnaul: Izd-vo BGPU, 2005. – 276 s.
12. *Shishkina S.Iu.* Voina i obshchestvennye nastroyeniia: 1914 g. (na materialakh Tobol'skoi gubernii) // Tiimenskii istoricheskii sbornik. – Tiumen', 2000. – Vyp. 4. – С. 53–61.
13. *Novikov P.A.* Vostochno-sibirskie strelki v Pervoi mirovoi voine. 2, 3 i 7-i Sibirskie armeiskie korpusa v 1914–1918 gg. – Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2008. – 275 s.

14. *Simonov D.G., Shilovskii M.V.* Pervaia mirovaia voina // Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri. – Novosibirsk, 2010. – T. 2. – S. 597–601.
15. *Khramkov A.A.* Krest'ianskie volneniia v Tomskoi gubernii v dni vseobshchei mobilizatsii v iuule 1914 g. // Sbornik nauchno-issledovatel'skikh работ kafedr obshchestvennykh nauk. – Tomsk, 1958. – S. 28–40.
16. *Goriushkin L.M.* Krest'ianskoe dvizhenie v Sibiri v gody pervoi mirovoi voiny // Izv. SO AN SSSR. Ser. obshchestv. nauk. – 1979. – №11, vyp. 3. – S. 95–102.
17. *Eremin I.A., Kizhaeva T.A.* Altai v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) // Istoriiia Altaiskogo kraia XVIII–XX vv.: nauchnye i dokumental'nye materialy. – Barnaul, 2005. – S. 225–237.
18. *Khramkov A.A.* Tak byli li volneniia zapasnykh v Tomskoi gubernii v iuule 1914 g. p'ianym buntom? // Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Vos'mye nauchnye chteniia pamiati prof. A.P. Borodavkina. – Barnaul, 2011. – S. 163–166.
19. *Shilovskii M.V.* Massovyie besporiadki sredi mobilizovannykh v Sibiri vo vtoroi polovine iulia 1914 g. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. – 2013. – № 1. – S. 84–88.
20. *Serebrennikov I.I.* Preterpev sudeb udary: Dnevnik 1914–1918 gg. – Irkutsk: Izd-vo Sapronov, 2008. – 592 s.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). DPOO.* – 4-e deloproizvodstvo. – 1914.
22. *Denikin A.I.* Ocherki russkoi smuty. – M.: Mysl', 1991. – 205 s.
23. *Golovin N.N.* Voennye usiliia Rossii v mirovoi voine // Voen.-ist. zhurn. – 1993. – № 1–2, 4, 6–7, 10–11.
24. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO).* – F. D-132. – Op. 1. – D. 5.
25. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 1.
26. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 21.
27. *Izonov V.V.* Podgotovka russkoi armii nakanune pervoi mirovoi voiny // Posledniaia voina Rossiiskoi imperii. – M., 2006. – S. 165–173.
28. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 2.
29. *GANO.* – F. D-78. – Op. 1. – D. 168.
30. *Shtaer N.Iu.* Rekvizitsiia buriat na tylovyie raboty v gody Pervoi mirovoi voiny // Materialy 51-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii «Student i nauchno-tehnicheskii progress»: Istoriiia. – Novosibirsk, 2013. – S. 137–138.
31. *Smirnov A.V., Mazanik T.A.* Pravovoe regulirovanie podgotovki mobilizatsii liudskikh resursov v dorevoliutsionnoi Rossii // Istoriiia gosudarstva i prava. – 2013. – № 4. – S. 2–9.
32. *Semenov G.M.* O sebe: vospominaniia, mysli i vyvody. – M.: AST, 1999. – 316 s.
33. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 35.
34. *Stepun F.A.* Byvshee i nesbyvsheesia. – SPb.: Aleteiia, 2000. – 644 s.
35. *GARF.* – DPOO. – 4-e deloproizvodstvo. – 1915. – D. 77. – Ch. 4.